

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Нестор-История
Санкт-Петербург – Москва
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
С481

Рецензенты:

д-р филол. наук *Т. В. Рождественская*;
канд. ист. наук *А. А. Турилов*

Редакторы:

А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина,
М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий

С481 Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 592 с.

ISBN 978-5-4469-2000-6

DOI: https://doi.org/10.31912/slova_konstrukzii_2021

В сборнике публикуются научные исследования по русскому языку, выполненные главным образом в диахронической перспективе. Сборник содержит четыре больших раздела: грамматический, лексикологический, эпиграфический и текстологический. В грамматическом разделе рассматриваются нетривиальные конструкции и формы, функционировавшие в древне- и старорусской письменности. Самый большой раздел сборника составляют статьи о словах. В работах этого раздела лингвистический анализ сочетается с изучением культурных реалий и процессов, характеризующих соответствующие периоды русской истории, и разрабатываются разнообразные методы погружения в культурный контекст. Раздел, посвященный эпиграфике, содержит статьи, в которых предлагаются новые прочтения и трактовки древнерусских граффити. В текстологическом разделе прослежена история ряда церковнославянских памятников.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-4469-2000-6

9 785446 920006

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I

А. Д. Шмелев

Проспект «Свода правил русской орфографии»
в свете принципа интегральности.....7

II

В. А. Плунгян

Был ли в славянских языках прогрессив?.....19

М. Н. Шевелева

О глаголе **ѣти** и конструкциях **имѹ + инфинитив**
по данным древнерусских памятников.....31

Я. А. Пенькова

К вопросу о грамматикализации глагола **СТАТИ**
в истории русского языка 51

Е. А. Мишина

О варьировании презентных форм совершенного
и несовершенного видов в тексте уставного типа
(на примере Студийского устава).....73

А. П. Майоров

Грамматическая идиоматизация падежных форм
мн. ч. существительных в канцелярском узусе
русского языка XVIII века 99

Т. В. Пентковская

Инфинитивные конструкции в Коране 1716 г. 115

III

Л. В. Куркина

О некоторых глаголах эмоциональной сферы
в «Житии Андрея Юродивого» 135

<i>Ж. Ж. Варбот</i>	
К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением ‘пахать, копать’ на базе русских диалектизмов	149
<i>А. Ф. Журавлёв</i>	
<i>Огорошить</i>	153
<i>Е. Л. Березович</i>	
К этимологии русской лексики со значением жизненных сил	169
<i>А. Е. Аникин</i>	
Из заимствованной русской лексики	189
<i>Р. Н. Кривко</i>	
Славянский <i>ходатан</i> и германский <i>wegāri</i>	199
<i>М. С. Мушинская</i>	
К вопросу о влиянии патристической экзегезы на первый славянский перевод Псалтыри: на примере <i>въскръснѣти</i>	215
<i>И. С. Юрьева</i>	
Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров	246
<i>А. А. Пичхадзе</i>	
<i>Жаль</i> и родственные слова в оригинальной древнерусской письменности: семантика и дискурс	267
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i>	
<i>Постоянство</i> : слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века	282
<i>Е. Э. Бабаева</i>	
Становление понятия <i>подросток</i> в зеркале русского языка	307
<i>Helmut Keipert</i>	
<i>Здрáвствуй стéрь</i> und die „Formulae Loquendi“ des Elias Koriĵewitz (1706)	328
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i>	
Вокруг некоторых фамилий в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (Опыт историко-ономастического комментария)	343

- И. А. Корнилаева*
Русский с церковнославянским: союз *то есть*..... 349
- Д. О. Добровольский, Г. И. Кустова*
Русские дистрибутивные конструкции типа *кто куда*:
когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия..... 357

IV

- Д. В. Сичинава*
Из истории изучения древнерусской эпиграфики:
неизданные рецензия и заметки Л. П. Жуковской..... 378
- А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*
Олтарь пламѣнь, а църькы ледѣна — чьто же то? 392
- П. В. Петрухин*
Письмо Стойнега к матери
(К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) 403
- Н. П. Антропов*
«Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний
модели *telt 413
- Марина А. Бобрик*
Надписи на иконе Параскевы-Пятницы
из старого Успенского собора Рязанского кремля 432

V

- Йоханнес Райнхарт*
Славянский перевод «Откровения Авраама»
и его история в Болгарии и в Древней Руси..... 446
- Алессандро Мария Бруни*
Новые источники для текстологического изучения
славянской традиции слов Григория Назианзина 460
- К. В. Вершинин*
Первая редакция славянского перевода Жития
Феодора Эдесского 473
- Д. Г. Полонский*
Литературные спутники митрополита Илариона:
к вопросу об особенностях распространения
младших редакций «Слова о законе и благодати»
в сборниках XV–XVI вв. 485

<i>А. А. Алексеев, Е. Л. Алексеева</i>	
Интерполяции Иудейской войны как стилевой индикатор	501
<i>И. И. Макеева</i>	
К вопросу о первоначальном тексте и редактировании Кормчей ранней русской редакции.....	508
<i>Г. С. Баранкова</i>	
О существовании особой редакции Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского в Южной и Западной Руси	523
<i>А. М. Пентковский</i>	
«Слово аскетическое» Диадоба Фотикийского в славянской письменности	543

VI

<i>А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева</i>	
«Словесное древо»: церковнославянский язык в творчестве Вячеслава Иванова	580

П. В. Петрухин

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
Школа актуальных гуманитарных
исследований Института
общественных наук РАНХиГС
(Москва, Россия)

ПИСЬМО СТОЙНЕГА
К МАТЕРИ
(К ПЕРЕВОДУ
НОВГОРОДСКОЙ
БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ
№ 384)*

Грамота № 384 — целое письмо, найденное в 1960 г. на Софийской стороне Новгорода при строительных работах [НГБ VI: 84]. Стратиграфической даты грамота не имеет, палеография указывает на интервал 1160–1200 гг. [НГБ X: 386].

В [НГБ VIII: 205] А. А. Зализняк внес существенные исправления в перевод, предложенный первым публикатором грамоты А. В. Арциховским [НГБ VI: 86]. Особенно трудным для интерпретации оказался конец грамоты, а именно слова **вожѣ оленики**. На прориси [Там же: 85] при буквах *ки* отмечены точки, которые могли бы указывать на числовое значение этих букв. В таком случае фрагмент следовало бы перевести (буквально): ‘вожжи олени, 28 [штук]’. Впрочем, Зализняк заметил, что точки «не очень четки, к тому же при других цифрах в этой грамоте стоят двоеточия» [НГБ VIII: 205]. Кроме того, в древненовгородском диалекте им.-вин. падеж множ. числа мягкого варианта *a*-склонения имеет окончание *-ль* (ср. в этой же грамоте: *въже* <вожѣ>, *вожѣ*¹), между тем предполагаемая данным прочтением притяжательная форма *олени* ‘олени’ имеет окончание *-и*, уникальное для грамот раннего периода, без смешения *ль* с *и* [ДНД₂: 99]. В то же время, отвергая числовое значение *ки*, мы получаем не засвидетельствованное слово *оленикъ*. Учитывая последнее обстоятельство, а также предложенную А. А. Гиппиусом [1997] интерпретацию грамоты, исходящую именно из присутствия в ней числа 28, Зализняк в [ДНД₂: 358–359] представил в качестве основной версию с числовым обозначением. Однако произведенный позднее повторный анализ грамоты со всей убедительностью показал, что

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

¹ «[Б]уква *ль* переправлена из *е*» [НГБ IX: 161; ДНД₂: 359].

ки — не число, а обычный слог. «Тем самым, — констатировал Зализняк — необходимо вернуться к признанию неизвестного ранее слова *оленикъ* ‘предмет из оленьей кожи’» [НГБ XII: 234].

С учетом этой поправки грамота принимает следующий вид (ср. [ДНД₂: 358]):

пъ стьенѣга къ матери то ти есмь дале савѣ :е: кѣнѣ
вѣже трькъвице лѣжици :в: ножа :в: брѣсе : вожѣ оленики.

‘От Стойнега к матери. Вот что я даю (букв.: дал) Савве: 5 кун, вожди полотняные, две ложки, два ножа, точильный камень, вожди олени.’

Хотя сомнения относительно графического вида конца грамоты отпали, словоформа *оленики* по-прежнему остается загадочной, причем как в смысловом, так и в формальном отношении. Несомненно, что речь идет об атрибутивном приложении при *вожь*, — хотя бы потому, что вожди упомянуты в грамоте дважды и без определения повтор просто не имел бы смысла. Но как образовано слово *оленикъ* ‘предмет из оленьей кожи’? Формально это может быть либо диминутив от существительного *олень*, либо некий дериват от притяжательного прилагательного *олень* ‘олений’. Первое неприемлемо как по смыслу, так и потому, что древнерусским диминутивом к *олень* было *оленьць* [СДРЯ XI–XIV, VI: 143], что же касается второго варианта, то нам неизвестны примеры, где бы суффикс *-ик-* присоединялся к притяжательным формам.

Сомнения вызывает и то обстоятельство, что за исключением «вожжей олеников» весь список вещей, перечисленных в грамоте, — самые обычные предметы домашнего обихода средневекового человека². Этому набору вполне под стать и довольно скромная денежная сумма, упомянутая Стойнегом, — 5 кун. Вожжи из оленьей кожи явно выпадают из этого ряда, представляя собой скорее некую экзотику. Берестяные грамоты характеризуют оленью шкуру, «оленину»³, как достаточно дорогой товар. Так, грамота № 275/266 (1360–1380) содержит «приказъ»: **что · оу · подоклити · оленини · выдди · сторѣжю ·**

² По мнению Арциховского, ложки, упомянутые в грамоте, — деревянные, «иначе материал был бы оговорен»: «Деревянные ложки довольно часто встречаются при новгородских раскопках» [НГБ VI: 86].

³ В древне- и старорусском шкура оленя имела то же название, что и оленья мясо, — *оленина*. Все древнерусские примеры находятся в берестяных грамотах [СДРЯ XI–XIV, VI: 143], старорусские примеры см. [СлРЯ XI–XVII, 12: 356].

в *црѣкѣ* ‘Оленьи шкуры’⁴, которые в подклете, отдай сторожу в церковь’⁵. Как известно, в церкви на Руси хранили наиболее ценные вещи. В грамоте № 681 (1160–1200), где интересующее нас слово восстанавливается предположительно, сказано: (п)родаво [о]--ниноу : оуцини же погрѣбание чърнеческое ‘Продав оленью шкуру (?), устрой монашеское погребение’ [ДНД₂: 386]. Сведений о том, что вожди на Руси могли изготавливаться из оленьей шкуры, насколько я знаю, нет. Учитывая перечисленные проблемы, имеет смысл рассмотреть альтернативный вариант перевода словоформы *оленики*.

В старорусской письменности засвидетельствовано слово *ольленикъ* (*олленикъ*) ‘тот, кто изготавливает лен для пряжи’, ср.: *Ольленики псковичи посадские люди... и тѣ ольленики отосланы в Ызмаилово*, Дела Тайного приказа I, 1145, 1665 г.; *Дв<ор> Ефрема олленика на полуделе*, Акты Кадашевской слободы, 15, 1631 г. [СлРЯ XI–XVII, 12: 361]⁶. Это слово образовано от прилагательного, у которого в памятниках XVII в. наряду с исходным *ольняной* хорошо засвидетельствованы варианты *ольляной*, *алленной*, *алляной*, *олленной*, ср., например: *Пропала у меня холопа твоего доч моя дѣвка Просков<ь>ица десети лѣтъ безвѣдома с поля с олленого*, Акты Деделовской воеводской избы, 224, 1675 г. [Там же]⁷. По данным [СРНГ, 23: 184, 192], формы *ольняной*, *ольляной*, *олленной* распространены практически на всей великорусской территории, в том числе в новгородских и псковских говорах.

В истории русского языка существительные на *-икъ* могли обозначать как лицо, так и неодушевленный предмет. В большинстве случаев этому суффиксу предшествовал суффикс *-ьн-*. Согласно [Азарх 1984: 96–101], на уровне синхронного словообразования формы, обозначающие лицо, производились от существительных с помощью

⁴ Менее вероятно, что речь идет об оленьем мясе, ср. [ДНД₂: 770].

⁵ На мой взгляд, этот перевод более точен, чем перевод в [ДНД₂: 603]: ‘Что касается [вещей, лежащих] в подклете, — оленьи шкуры отдай сторожу в церковь’, ср. аналогичный тип относительного придаточного в грамоте № 383: *цо прильица · 8 тебе ондрѣкѣ · прильица* ‘Подшлемник, который находится у тебя, — Ондреев подшлемник.’ [Петрухин 20196].

⁶ Известно также слово *льняникъ* ‘тот, кто обрабатывает или продает лен’ [СлРЯ XI–XVII, 8: 322].

⁷ Еще один вариант того же прилагательного — с ассимиляцией согласных, но без начальной гласной, ср.: *Куплено льяного масла на 10 алтынѣ*, Московский театр при царях Алексее и Петре, 13, 1672 г.; *Велено дать ко Льяленому двору гвоздѣ 50000 двоетесново*, Дела Тайного приказа I, 1224, 1666 г. [СлРЯ XI–XVII, 12: 322], ср. также совр. укр. *ляний*.

суффикса *-ьник-*, а формы, обозначающие предметы, — от прилагательных на *-ьнѣ* с помощью суффикса *-ик-*. Точнее говоря, последние возникали из атрибутивных словосочетаний путем их «стяжения» в одно слово. Отсюда множество пар омонимичных наименований лиц и вещей, например: *молитвььникъ* — ‘тот, кто совершает молитву’ и *молитвьььнии домъ*⁸; *скудлььникъ* — ‘тот, кто делает скуделы, гончар’ и *съсудъ скудльььнии*; *бортньикъ* — ‘тот, кто делает борти, присматривает за бортями’ и *бортньии льсь*; *виноградньикъ* — ‘тот, кто возделывает виноград, сад’ и *виноградньий садъ*; *зимовньикъ* — ‘тот, кто живет на зимовье’ и *зимовньий дворъ*, *зимовньий городок*; *квасньикъ* — ‘тот, кто делает и продает квас’, ‘тот, кто пьет квас без меры, пьяница’ и ‘посуда для кваса’ (*котельъ квасной*, *квасной мьхъ*); *корабленьикъ* — ‘тот, кто плавает на корабле, моряк’ и ‘монета определенного достоинства’ (*корабленьий золотой*) [Там же: 99–100].

Таким образом, вполне допустимо предположить, что на Руси «оллениками» могли называться не только ремесленники, работавшие со льном, но и некоторые предметы, изготовленные из льна, в частности льняные вожжи. В древности веревки, а следовательно и вожжи, обычно делались из льна, в силу чего во множестве языков названия льна и веревок/вожжей (последние часто обозначаются одним словом) восходят к одному корню или просто совпадают, ср. греч. *λίνον*, лат. *linea*, *linum*, нем. *Leine*, англ. *line*, норв. *line*. Согласно [Kluge: 571], греческие, латинские и германские имена — «вероятно, независимые образования, не имеющие общего источника» (“*vermutlich unabhängige Bildungen, die nicht auf eine gemeinsame Grundlage zurückgehen*”).

Слово *олленикъ/оленикъ* образовано от прилагательного *льняной* или одного из его фонетических вариантов. Начальный гласный здесь — результат фонетических изменений, вызванных, как известно, исчезновением редуцированного после начального сонорного согласного: *льняной* > *ольняной*, как *ръжсаной* > *оржаной* [Борковский, Кузнецов 1965: 118].

Старославянское прилагательное *льньнѣ* [SJS, II: 148] имеет суффикс *-ьн-*, вообще свойственный в старославянском прилагательным, обозначающим материалы, однако в русском церковнославянском на его месте обычно выступает суффикс *-ан-* [Вайан 1952: 58, 236]. Все разнообразие форм этого прилагательного в русских некнижных памятниках и диалектах также, по-видимому, восходит к варианту

⁸ Источники цитат здесь и ниже см. [Азарх 1984: 99–100].

с суффиксом *-ян-*. Следовательно, написание *оленикъ* может отражать либо редуцию [’а], либо переход [а] в [е] между мягкими согласными. В случае «олеников» грамоты № 384 нужно предполагать второе; данный фонетический переход хорошо известен в севернорусских говорах и засвидетельствован в берестяных грамотах с I пол. XII в. [ДНД₂: 74; НГБ XII: 131].

Поскольку двойные согласные в берестяных грамотах обычно передаются одной буквой (ср. в той же грамоте № 384: *въже*, *вожь*, *Савъ*), за *л* и *н* в *оленики* могут скрываться как [лл], [нн], так и [л], [н].

Если исходное слово для *оленики* — *ольняньникъ*, то перед нами образование, вполне аналогичное перечисленным выше примерам из [Азарх 1984: 96–101]. Однако суффикс *-икъ-* может присоединяться и непосредственно к основе прилагательного на *-ян-*, как это, вероятно, происходит в лексемах типа *берестяникъ* (*берестеникъ*) ‘изделие из бересты’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 146], *водяникъ* ‘изгородь, ставящаяся на реке с различными хозяйственными целями’ [Там же, 2: 260], *дровяникъ* ‘дорога, по которой возят дрова с лесосеки’ [Там же, 4: 358], *конопляникъ* (*конопленикъ*) ‘земля под коноплей’ [Там же, 7: 280], *оловяникъ* (*оловеникъ*) ‘оловянный (а также любой металлический) сосуд типа кружки или стакана’ [Там же, 12: 360], *пряникъ* (*преникъ*)⁹ [Там же, 21: 31], *серебряникъ* (*серебреникъ*) ‘сосуд для умывания, ручкомойник’ [Там же, 24: 81]¹⁰. Таким образом, в нашем случае форма *оленики* может восходить как к *ольняньникъ*, так и к *ольняникъ*.

Против изложенной выше гипотезы можно возразить, что преобразование *ольнян(ьн)ики* в *оленики* предполагает целую последовательность фонетических изменений, связанных с падением редуцированных. Между тем грамота не содержит явных признаков падения редуцированных, ср. *трькъвище*, *лъжици*. Нет ли здесь противоречия?

Напомню, что грамота № 384, не имеющая стратиграфической даты, по палеографическим признакам датируется 1160–1200 гг. Верхняя граница этого интервала совпадает с периодом, когда, судя по имеющимся данным, в большинстве древненовгородских говоров процесс падения и прояснения редуцированных или уже завершился

⁹ *Пряникъ* < *пряный* ‘содержащий пряности’ [СлРЯ XI–XVII, 21: 31] < *пль-раньи* ‘с добавлением перца’ [СДРЯ XI–XIV, IX: 357] < *пльрь ‘перец’ [Фасмер, 3: 395].

¹⁰ Суффикс *-ик-* может присоединяться и к непроизводным основам прилагательных, например: *новикъ* ‘новосел’, *старикъ* ‘старожил’, *частикъ* ‘частый невод’, *суковатикъ* ‘бревно с частыми сучьями’, ср. [Азарх 1984: 108].

ся, или близился к завершению. Так, грамота из Старой Руссы № 30 (1180–1200) демонстрирует уже фонетические последствия этого процесса — переход [e] > [o] (3 случая) [ДНД₂: 449]. При этом следует учесть, что в текстах, написанных в бытовой графической системе, т. е. со смешением *o* — *ъ* и *e* — *ь* (к каковым принадлежит и письмо Стойнега, демонстрирующее эффект *o* → *o/ъ*), нередко наблюдается искусственное «восстанавливание» слабых редуцированных, обусловленное навыками чтения и письма, приобретенными авторами этих текстов в процессе освоения грамоты, см. об этом подробно [Петрухин (в печати)]. Так, в упомянутой грамоте Ст. Р. 30 слабые редуцированные «восстановлены» в 5-ти словоформах, а их пропуск (3 случая) связан с особыми позициями, которые в грамоте № 384 не представлены¹¹; ср. грамоту № 346 (1280–1300), в которой слабые еры представлены во всех 7-ми случаях, где они этимологически имели место [ДНД₂: 506; Петрухин 2019в: 92], а также другие аналогичные примеры [Там же: 91–94].

Кроме того, в недавней статье А. А. Гиппиус обратил внимание на то, что между схожими по артикуляции (и следовательно, склонными к ассимиляции) согласными падение слабых еров может отражаться раньше, чем в прочих позициях [Гиппиус 2020: 24–25]. Так, в НГБ № 1114 (1 пол. XII в.) на фоне в целом последовательного сохранения слабых редуцированных встретилась форма твор. ед. *жицель* (дими-нутив от *жито*), отражающая слияние *ти* > *и*; в НГБ № 531 (кон. XII — 1 пол. XIII в.) «на почти 20 написаний с сохранением неконечных слабых *ъ* и *ь* имеется всего два случая их пропуска», один из которых — зват. п. *браце* <*братъче*>; в блоке грамот № 685 и № 721/647/683 (40-е — сер. 90-х гг. XII в.) наряду с четырьмя случаями сохранения слабых еров представлено написание *18 съръцьвьъ '18 сорочков'*, отражающее переход [ц'ц'] > [ц']; в Торж. 13 (кон. XII — нач. XIII вв.) при сохранении слабых еров в прочих показательных позициях находим форму *дьские* (< *дтьськии*), с отражением перехода [тъск] > [т'ск] > [ц'к] > [с'к] [Там же]. Данный феномен требует дальнейшего осмысления, но нельзя не заметить, что гипотетическая лексема *оленики* 'льняные вожжи' из *ольнян(ьн)ики* также предполагает выпадение редуцированного между близкими по месту образования (или просто одинаковыми) согласными.

¹¹ Речь идет о консонантных сочетаниях, свойственных старославянскому и раннедревнерусскому (и в силу этого представленным среди азбучных складов вида CCV), но в данном случае образовавшихся в результате падения слабых редуцированных [Петрухин 2019в: 91; Петрухин (в печати)].

Другое возможное возражение против предложенной гипотезы состоит в том, что в грамоте уже упомянуты *въже трькъвище*, т. е., согласно переводу А. А. Зализняка, «полотняные вожжи». Действительно, в Житии Андрея Юродивого лексема, имеющая в разных списках вид *троквища*, *торквища*, *тороквища*, выступает как перевод греч. *ὀθόνη* ‘тонкое полотно’, ‘полотняная ткань или одежда’, ‘плащаница’ и как синоним слав. *платньо* [ЖАЮ: 428]. «Полотном» на Руси обычно называли льняную ткань [СДРЯ XI–XIV, VII: 92]. Следовательно, и «полотняные вожжи» — льняные, что могло бы привести к некоторой путанице.

Однако возможно (и даже, на мой взгляд, предпочтительно) иное прочтение фрагмента *въже трькъвище*. Согласно Зализняку, здесь «название материала выступает в качестве приложения к названию соответствующего предмета» [ДНД₂: 359]. Зализняк приводит встретившиеся в старорусской письменности конструкции *фелонь ... зуфь*, *шуба цини*, *шуба багреци*, а также современные употребления *сумка лайка*, *сапоги хром* [Там же]. Тем не менее очевидно, что для древнерусского подобного рода словосочетания не характерны (примечательно, что большинство из приведенных примеров содержит иноязычные имена). Трактовка формы *трькъвище* как атрибутивного приложения нужна для того, чтобы объяснить, почему вожжи упомянуты в грамоте дважды: в первом случае это «вожжи полотняные», во втором — «оленьи». Но проблема отпадает, если допустить, что мы имеем дело с типичной для берестяных грамот (и некнижного языка в целом) подачей информации по принципу «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [ДНД₂: 190] (разрядка Зализняка): «В соответствии с этим принципом прежде всего объявляется суть дела (без деталей), а все уточняющие слова образуют вторую, дополнительную часть высказывания, которая фактически представляет собой цепочку синтаксически не связанных между собой слов или синтагм» [Там же], см. также [Живов 2017: 271–272]. Так, в грамоте Ст. Р. 10 (XII в.) сначала сообщается о ситуации *въ волости*, а затем уточняется, о какой именно волости идет речь: *въ волости твоєи толико вода пити в городицаньх* ‘В Городище, твоём владении, только воду пить (т. е. есть уже нечего)’ [ДНД₂: 447]. Похожим образом Стойнег сначала упоминает вожжи как таковые, в ряду других предметов, также никак не охарактеризованных (за исключением их количества), а в конце письма уточняет, о какой именно разновидности вожжей идет речь.

Итак, *трькъвище* грамоты № 384 можно рассматривать как синтаксически независимое слово со значением ‘кусок ткани, полотно’,

ср. [СлРЯ XI–XVII, 30: 64]. Любопытно, что в грамоте № 609, датировка которой (кон. XII — нач. XIII вв.) пересекается с датировкой грамоты № 384, «полотно» оценивается в две куны (**на полотне ꙗкоуне** [ДНД₂: 425]). Стойнег в письме к матери, кроме полотна, упоминает еще несколько предметов и называет сумму «5 кун». По мнению Арциховского и, вслед за ним, Зализняка, Стойнег передал (или велел передать) Савве и эти 5 кун, и вещи. Однако перечисление в одном ряду денег и вещей выглядит несколько странно. Обратим внимание и на то, что список вещей приведен не в винительном, как ожидалось бы после *есмь дале*, а в именительном падеже: форма *бръсе* имеет характерное для древненовгородского диалекта окончание им. п. ед. ч. *-e*; «этот же падеж — пишет Зализняк — можно предполагать и для остальных названий, но здесь он уже совпадает с В[инительным падежом]» [ДНД₂: 359]. Зализняк полагает, что речь идет об «именительном перечисления», выступающем вместо винительного¹², но не имеем ли мы дело с обычным именительным падежом?

Если допустить, что *трькъвище* стоит примерно 2 куны, то с учетом стоимости остальных перечисленных в грамоте предметов общая сумма вполне могла бы составить 5 кун. Вероятно, в письме Стойнег сообщает матери подробности торговой сделки с Саввой: сначала он называет уплаченную сумму, а затем — в следующей строке — приводит список покупок. В этом случае мы избавляемся как от странного упоминания денежной суммы «через запятую» с товарами, так и от необходимости предполагать здесь именительный перечисления.

Как и множество других берестяных грамот, письмо Стойнега начинается с вводного оборота *то ти* ‘вот’, следующего непосредственно за адресной формулой, ср., например, НГБ № 1004 (2 четв. — сер. XII в.): **+ ѿ лоукы къ ѿтыцѣви : то ти : не вѣдало наѣмити ѿ ма везе:ль : на кожахъ вевѣрице** ‘От Луки к отцу. Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи’ [НГБ XII: 102–104], ср. также НГБ № 959, 776, 835, 1005, 1006, 989. Этот свойственный бытовой письменности оборот можно считать своеобразным эквивалентом вводного *се*, характерного для пергаменных документов, например: *се вѣдале варламе* (Вкладная грамота Варлаама Хутынского) [ДНД₂: 458].

С прагматической точки зрения ситуация могла выглядеть по-разному. Возможно, мать отправила Стойнега к Савве за покупками и велела сообщить о результате. Можно предположить также, что Стойнег договорился с Саввой о покупке перечисленных товаров

¹² См. об этом синтаксическом явлении [ДНД₂: 157; Живов 2017: 465].

(возможно, уже получил их) и вручил ему грамоту в качестве своего рода расписки, с тем чтобы Савва отправился с этой грамотой к его (Стойнега) матери и получил у нее 5 кун, ср. примеры подобных ситуаций [Гиппиус 2004]¹³.

Итак, с учетом изложенных в статье соображений можно предложить следующий перевод грамоты: ‘От Стойнега к матери. Вот я дал Савве 5 кун. Вожжи, полотно, две ложки, два ножа, точильный камень. Вожжи льняные’.

Литература

- Азарх 1984 — Ю. С. Азарх. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., доп. М., 1965.
- Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. «Вожжей оленьих 28...» (Об одной числовой модели в древнерусских текстах) // Живая Старина. 1997. № 3. С. 21–23.
- Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 183–232.
- Гиппиус 2020 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
- ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект, изд. 2-е, М., 2004.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. М., 2017.
- НГБ VI — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). Т. VI. М., 1963.
- НГБ VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. VIII. М., 1986.
- НГБ IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Т. IX. М., 1993.

---

¹³ В последнем случае форма *есмь дале* представляет собой один из примеров «перформативного» употребления перфекта, см. [ДНД₂: 175; Петрухин 2013: 86–88; Dekker 2018: 137–176; Петрухин 2019а: 158–159].

- НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М., 2000.
- НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.
- Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slavistisches Jahrbuch, Neue Folge. 1. 2013. С. 74–98.
- Петрухин 2019а — П. В. Петрухин. [Рец.]: Simeon Dekker. Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach. Leiden; Boston. 2018 (= Studies in Slavic and general linguistics, vol. 42) // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 155–160.
- Петрухин 2019б — П. В. Петрухин. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XXIII. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка / Отв. ред. выпуска Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе. М., 2019. С. 217–221.
- Петрухин 2019в — П. В. Петрухин. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // Словоѣне. Vol. 8. № 1. 2019. С. 55–108.
- Петрухин (в печати) — П. В. Петрухин. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // Словоѣне. 2020, № 2 (в печати).
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., Т. 1–12—. М., 1988–2019—.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв., Т. 1–31—. М., 1975–2019—.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51—. СПб., 1965–2019—.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
- Dekker 2018 — S. Dekker. Old Russian birchbark letters: A pragmatic approach. Leiden. 2018.
- Kluge — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Elmar Seebold. — 25., durchges. und erw. Aufl. Berlin; Boston, 2011.
- SJS — Slovník jazyka staroslovenského. I–IV. Praha, 1958–1997.